

ДЖОН УИНДЕМ

КУКУШАТА МИДВИЧА

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.111-312.9
ББК 84(7Вел)-44
УЗ7

Серия «Эксклюзивная классика»

John Wyndham

THE MIDWICH CUCKOOS

Перевод с английского *В. Ковалевского* и *Н. Штуцер*

Серийное оформление *Е. Фerez*

Печатается с разрешения The John Wyndham Estate Trust
при содействии литературных агентств David Higham
Associates и The Van Lear Agency LLC.

Уиндем, Джон.

УЗ7 Кукушата Мидвича : [фантастический роман] / Джон
Уиндем ; [пер. с англ. В. Ковалевского, Н. Штуцер]. —
Москва : Издательство АСТ, 2017. — 288 с. — (Эксклю-
зивная классика).

ISBN 978-5-17-105479-3

...Однажды в ясную сентябрьскую ночь обитателей типич-
ной английской тихой деревушки Мидвич накрыла странная
полусфера, которая продержалась над нею около суток. Птицы
падали с неба замертво, а люди погрузились в сонное забытье.
А спустя пару месяцев, когда все уже начали забывать о зага-
дочном происшествии, вдруг выяснилось, что все женщины
детородного возраста в деревне беременны. Даже незамужние,
вдовы и девственницы.

И в положенный срок родились странные золотоглазые де-
ти, удивительно похожие друг на друга... Дети, способные си-
лой взгляда подчинять своей воле...

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

© John Wyndham Estate Trust, 1957
© Перевод. В. Ковалевский, наследники, 2017
© Перевод. Н. Штуцер, наследники, 2017
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2017

ISBN 978-5-17-105479-3

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

ВЪЕЗД В МИДВИЧ ЗАКРЫТ

Одним из счастливейших событий в жизни моей жены надо считать то, что она вышла замуж за человека, родившегося 26 сентября. Если бы не это, мы, без сомнения, провели бы в Мидвиче ту самую ночь с 26 на 27 сентября, от последствий которой, к моей неизбывной радости, жена оказалась избавленной.

Поскольку это был мой день рождения, а также отчасти из-за того, что накануне я подписал контракт с американским издательством, еще утром 26-го мы отправились в Лондон, чтобы отпраздновать там в скромной обстановке оба указанных события. Все прошло очень мило: несколько приятных визитов, омар и шабли в «Кореннике», последняя постановка Устинова, ужин и возвращение в отель; Джанет отправилась в ванную, где и нежилась с наслаждением, которое она почему-то испытывает при пользовании чужими «удобствами».

Утром мы, не торопясь, отправились в Мидвич. Короткая остановка в Трайне — самом близком к нам торговом центре, там мы запаслись кое-какой бакалеей, а затем по главному шоссе — до деревни Стауч, правый поворот на дорогу второго класса и... как бы не так! Дорога наполовину оказалась блокированной барьером, на котором болталась табличка

с надписью: «Проезд закрыт», а в оставленном проходе с поднятой рукой стоял полисмен.

Я остановил машину. Полисмен подошел к нам, и я узнал его — он был из Трайна.

— Простите, сэр, но проезд закрыт.

— Вы хотите сказать, что придется делать объезд через Оппли?

— Боюсь, что там тоже закрыто, сэр.

— Но...

Позади прозвучал громкий сигнал.

— Будьте добры, сэр, подайте машину чуть влево.

— В Мидвиче что — революция?

— Маневры, — ответил полисмен. — Проезд закрыт.

— Так не могут же выйти из строя сразу обе дороги? Вы нас знаете, мы ведь живем в Мидвиче, констебль.

— Я знаю, сэр. Только сейчас туда не проехать. На вашем месте, сэр, я бы вернулся в Трайн и обождал там, пока все наладится. А тут стоять тоже нельзя — мешает движению.

Джанет открыла дверь с другой стороны машины и вытащила свою продовольственную сумку.

— Я пойду пешком, а ты догонишь меня, когда можно будет проехать.

Констебль помялся. Потом почти шепотом сказал:

— Раз уж вы там живете, мэм, я скажу, но вроде как бы конфиденциально... Не стоит и пробовать, мэм. В Мидвич никто попасть не может, это точно.

Тут-то мы уставились на него.

— Это еще почему? — удивилась Джанет.

— А вот это как раз и пытаются выяснить, мэм. А пока, если вы вернетесь в Трайн и остановитесь

в «Орле», я проконтролирую, чтобы вас известили, как только дорога откроется.

Мы с Джанет переглянулись.

— Ладно, — сказала она констеблю. — Все это очень странно, но если вы уверены, что проехать никак нельзя...

— Совершенно уверен, мэм. Да и приказ у меня есть. Мы вас известим сразу же.

Ну, если человек упрется, то спорить с ним бесполезно. Этот полисмен выполнял свой долг и к тому же был вежлив.

— Хорошо, — согласился я. — Скажу в «Орле», чтобы мне передали на случай, если отлучусь.

Я дал задний ход и ехал так, пока не выбрался на главное шоссе, но, учитывая слова полисмена, что вторая дорога тоже перекрыта, повернул обратно к Лондону. Как только мы проехали Стауч, я свернул с шоссе на одну из полевых дорог.

— Все это, — сказал я, — очень странно пахнет. Давай-ка дернем пешком прямо через поля и посмотрим, что там такое.

— Да, полисмен вел себя крайне подозрительно. Попытаемся, — согласилась Джанет, выбираясь из машины.

Особую загадочность истории придавало то, что Мидвич имел репутацию места, где никогда и ничего не происходит. Мы прожили там уже почти год и считали эту славу главной чертой Мидвича. В самом деле, если бы у въезда в деревушку на столбах был вывешен знак в виде красного треугольника с надписью: «Мидвич. Не будить», он прекрасно подошел бы к местному колориту. И почему имен-

но Мидвичу было оказано предпочтение перед тысячами других схожих с ним населенных пунктов, видимо, так навсегда и останется тайной.

Постарайтесь проникнуться обыденностью этого местечка.

Мидвич лежит примерно в восьми милях к северо-западу от Трайна.

Главное шоссе от Трайна идет на запад и прорезает деревни Стауч и Оппли, причем в местах пересечений от него отходят две дороги на Мидвич. Сама деревушка образует как бы вершину треугольника, а Стауч и Оппли — два других его угла. Есть еще одна дорога, вернее, проселок, который, причудливо извиваясь на протяжении пяти миль, ведет в Хикхэм, расположенный всего в трех милях к северу от Мидвича.

В центре Мидвича находится треугольный сквер, украшенный пятью прекрасными вязами и прудом, окруженным выкрашенной в белую краску оградой. Памятник погибшим воинам помещается в одном углу сквера, в том, что напротив церкви, а по краям сквера возвышается сама церковь, дом vicария, гостиница, кузница, почта, магазинчик миссис Велт и несколько коттеджей. Деревушка состоит из шестидесяти коттеджей и домов, здания муниципалитета, Кайл-Мэнора и Грейнджа.

Церковь подвергалась многочисленным перестройкам, но купель и западная дверь восходят чуть не ко временам норманнов. Дом vicария — образец георгианского стиля, Грейндж — викторианского, Кайл-Мэнор имеет фундамент, относящийся ко временам Тюдоров, но верх особняка сильно изменен последующими перестройками. Что касается

коттеджей, то спектр их стилей очень пестр и включает все, что возникло между правлениями обеих Елизавет. Самые молодые по возрасту строения — два коттеджа, принадлежащие муниципальному совету, и два производственных крыла, сооруженных в Грейндже, когда некое министерство купило поместье для организации там научно-исследовательской лаборатории.

Причина возникновения Мидвича скрыта во мраке истории. Его местоположение трудно было считать стратегически важным с точки зрения рынка даже в эпоху вьючного транспорта. Впечатление такое, что поселок возник здесь сам собой, без всяких на то причин. Уже в Книге Судного дня он числится в ранге «селения», в том же качестве пребывает и до сих пор, поскольку железные дороги его обошли так же, как раньше дилижансные пути и судоходные каналы.

Насколько известно, залежей полезных ископаемых под Мидвичем нет; никакой чиновничий глаз еще не уловил тут возможности построить аэродром, полигон для испытания бомб или военное училище. Только министерство вторглось сюда, но переоборудование Грейнджа фактически ничего не изменило в течении сельской жизни. Мидвич живет (вернее сказать, жил) и дремлет на своих плодоносных землях в сельском покое вот уже более тысячи лет, и до 26 сентября не было никаких оснований ожидать, что он не проведет в том же состоянии и другую тысячу.

Не следует, однако, полагать, что из сказанного выше вытекает отсутствие у Мидвича собственной истории вообще. Она, конечно, существует. В 1931 г. тут вспыхнула эпидемия ящура. В 1916 г. сбившийся

с курса цеппелин сбросил на Мидвич бомбу, которая упала на вспаханное поле, но, к счастью, не взорвалась. Да и раньше названию деревушки случалось попадать в заголовки газет или листовок, например, когда Черный Нэд — второразрядный дорожный грабитель — был застрелен на ступеньках «Косы и камня» Красоткой Полли Паркер, и хотя данное проявление нрава Красотки имело, скорее, личный, чем общественный характер, имя ее, тем не менее, неоднократно встречается в балладах, написанных в 1768 году.

Известно также сенсационное закрытие расположенного неподалеку аббатства святого Франциска Ассизского и разгон его братии по причинам, ставшим поводом для многочисленных слухов и разговоров, последовавших после 1493 года.

Другие события включают в себя превращение церкви в конюшню солдатами Кромвеля, а также визит Уильяма Вордсворта, коего развалины аббатства подвигли к написанию одного из его самых скучных и нравоучительных сонетов.

Но если все сказанное выше исключить, то время текло над Мидвичем спокойно и равномерно.

Да и местные жители, кроме немногих юнцов и девиц, охваченных возрастной неврастенией, не испытывали желаний жить иначе. В самом деле, исключая викария и его жену, чету Зиллейби в Кайл-Мэноре, доктора, фельдшерицу, нас с Джанет и, разумеется, научный персонал Грейнджа, многие поколения аборигенов жили как бы в сонном царстве, ставшем нормой их жизни.

Днем 26 сентября, казалось, ни одна тучка не предвещала будущих бедствий. Возможно, миссис Брант,

жена кузнеца, и почуяла что-то зловещее, узрев на своем поле девять сорок, как она впоследствии уверяла; а мисс Огл, почтмейстерша, может быть, и встревожилась зрелищем привидевшегося ей накануне во сне гигантского летучего вампира. Но даже если все это и имело место, то, к сожалению, дурные предчувствия у миссис Брант и страшные сны у мисс Огл случались слишком часто, чтобы сыграть роль надежного предвестника. Никаких других свидетельств, что в понедельник вечером Мидвичу предстояло нечто необычайное, не существовало. Совершенно нормальным он показался и нам с Джанет, когда мы уезжали в Лондон. И тем не менее, во вторник 27-го...

Мы заперли машину; перелезли через калитку и пошли по стерне, стараясь держаться поближе к живой изгороди. Когда изгородь кончилась, перед нами открылось еще одно сжатое поле. Мы пересекли его наискосок и уперлись в следующую изгородь, — причем столь высокую, что пришлось довольно долго идти вдоль нее, отыскивая, где перелезть. Наконец мы поднялись на холм, откуда был виден Мидвич. Точнее, сам Мидвич заслоняли деревья — но мы увидели несколько столбов серого дыма, лениво поднимающихся в воздух, а также церковный шпиль, торчащий над вязами. На соседнем поле виднелись четыре-пять коров, которые, как мне показалось, крепко спали, лежа на земле.

Я не сельский житель, я всего лишь заезжий обыватель, но помню, как в подсознании мелькнуло ощущение какой-то ошибки в этой мирной картине.

Коровы, лежащие на брюхе и лениво пережевывающие жвачку, — дело обычное, а вот коровы,

крепко спящие на боку, — это уж извините! Но в тот момент мысль эта еще полностью не сформировалась, возникло только ощущение, что тут что-то не так. Мы пошли дальше. Перелезли через изгородь того поля, где лежали коровы, и пересекли его. Вдруг кто-то окликнул нас — слева, издалека. Я оглянулся и увидел человека в хаки. Он кричал что-то неразборчивое, но по тому, как он размахивал своей палкой, было очевидно, что от нас требуют, чтобы мы убирались прочь. Я остановился.

— Пошли, Ричард! Он же далеко! — нетерпеливо крикнула Джанет, вырываясь вперед.

Я все еще колебался, продолжая рассматривать незнакомца, который потрясал палкой энергичней, чем прежде, а орал еще громче, хотя и ничуть не разборчивее. Потом решил последовать примеру Джанет. К этому времени она опередила меня ярдов на двадцать, но не успел я сделать и нескольких шагов, как Джанет вдруг закачалась и беззвучно рухнула на землю.

Я замер как вкопанный. Рефлекторно. Если бы она упала с вывихнутой коленкой или просто споткнулась, я бы побежал, кинулся к ней. Но все произошло так внезапно, так жутко, что на мгновение мной овладела идиотская мысль, будто Джанет застрелили. Ступор прошел так же быстро, как и возник. Я рванулся с места. Каким-то краем сознания я улавливал, что человек с палкой все еще кричит, но это не остановило меня. Я бежал к Джанет.

И не добежал.

Я вырубился так моментально, что даже не увидел, как вздыбилась земля, чтобы с силой ударить меня по лицу.

Глава 2

В МИДВИЧЕ ВСЕ СПОКОЙНО

Как я уже говорил, 26 сентября в Мидвиче царило полное спокойствие.

Позже я предпринял собственное расследование и узнал практически обо всех, где они были и что делали в тот вечер.

В «Косе и камне», например, обслуживали завсегдаев, число которых, вообще говоря, было величиной постоянной. Кое-кто из молодежи отправился в Трайн в киношку; кстати, в большинстве своем это были те же люди, что ездили туда и в прошлый понедельник. Мисс Огл на почте вязала возле коммутатора, как обычно, находя, что бытовые разговоры горожан куда интереснее, чем то, что передается по радио. Мистер Таппер, работавший садовником до того, как выиграл фантастический приз в футбольном тотализаторе, был крайне раздражен неполадками в своем призовом телевизоре, у которого барахлил красный спектр, и поносил его такими словами, что миссис Таппер отправилась спать. В окнах одной-двух комнат лабораторного крыла Грейнджа все еще горел свет, в чем не было ничего необычного: как правило, два-три сотрудника продолжали свои таинственные исследования далеко за полночь.

Все было как обычно, но любой самый непримечательный день может стать для кого-то совершенно исключительным. Как я уже говорил, из-за моего дня рождения окна в нашем коттедже были закрыты и темны. А в Кайл-Мэноре случилось так, что именно в этот день мисс Феррилин Зиллейби доказала младшему лейтенанту Алану Хьюэсу, что помолвка

фактически требует участия не двух персон, а большего числа и что было бы правильнее известить об этом событии и ее отца. Алан, после некоторых колебаний и возражений, позволил доставить себя к дверям кабинета Гордона Зиллейби, дабы ознакомить последнего со сложившейся ситуацией.

Он обнаружил седовласого, элегантного хозяина Кайл-Мэнора в глубоком мягком кресле, с закрытыми глазами, откинувшимся на удобную спинку, так что с первого взгляда могло показаться, что он спит, усыпленный дивной музыкой, заполнявшей комнату.

Молча, не открывая глаз, Зиллейби разрушил это впечатление, легким движением руки указав на другое кресло, а затем приложил палец к губам, призывая соблюдать тишину.

Алан на цыпочках подошел к креслу и сел. Последовала интерлюдия, во время которой все заготовленные ранее фразы, уже державшиеся на самом кончике языка Алана, внезапно исчезли где-то в глотке, и в течение следующих минут десяти Алану пришлось посвятить себя исключительно созерцанию кабинета.

Стены от пола до потолка занимали книги, и лишь дверь, через которую он вошел, нарушала стройность книжных рядов. Книги, книги, книги, расставленные в невысоких шкафах, заполняли комнату по всему периметру, прерываясь лишь широкими французскими окнами, камином, где поблескивал приятный, — но не очень нужный в эту погоду огонь, и отличным проигрывателем.

Один из застекленных шкафов был полностью отведен под «Труды» Зиллейби — в разных издани-

ях и на всевозможных языках, причем на нижних полках предусмотрительно было оставлено место для будущих поступлений.

Над этим шкафом висел набросок красной сангиной, изображавший красивого молодого человека, в котором легко узнавался Гордон Зиллейби, только моложе лет на сорок. На другом шкафу отличный бронзовый бюст отражал то впечатление, которое двадцатый пятью годами позже Зиллейби произвел на Эпштейна. Несколько подписанных фотографий различных знаменитостей висели на стенах. Каминная полка и стена возле камина отводились домашним реликвиям. Рядом с портретами отца и матери Гордона, его брата и двух сестер располагался очень похожий портрет Феррилин и портрет ее матери — (миссис Зиллейби номер один).

Портрет Анжелы — нынешней миссис Зиллейби — украшал центр кабинета — огромный, обитый кожей стол, на котором писались знаменитые «Труды».

Вспомнив о «Трудах», Алан подумал, что его визит, похоже, не совсем уместен — налицо было явное рождение нового «Труда». Этим, видимо, и объяснялся очевидный в момент рождения отрыв Зиллейби от реальной жизни.

«Он всегда становится таким, когда его мысль начинает бурлить, — объясняла ему Феррилин. — Что-то из него уходит. Он отправляется в дальние прогулки, забывает, где находится, звонит, чтобы за ним приехали и забрали домой. В такие минуты с ним бывает очень трудно, но все налаживается, когда он садится за стол писать книгу. Однако до этого за ним приходится строго следить, а то он начисто забывает о еде. Вот так вот».

Комната с комфортабельными креслами, мягким освещением и толстым ковром показалась Алану практически воплощением взглядов ее хозяина на важность сбалансированного существования. Он вспомнил, что в «Пока мы живы» — единственной работе Зиллейби, которую он прочел, тот рассматривает и аскетизм, и чрезмерное эпикурейство в духе проявлений низкого уровня общественной адаптации. Это была интересная, подумал Алан, но мрачноватая книга; автор, по его мнению, придавал слишком большое значение тому факту, что нынешнее поколение куда динамичнее и куда менее отягощено иллюзиями, чем все предшествующие...

Наконец, поднявшись креслендо, музыка оборвалась. Зиллейби выключил проигрыватель, щелкнув переключателем на подлокотнике кресла, открыл глаза и взглянул на Алана.

— Надеюсь, вы не скучали? — осведомился он. — У меня такое чувство, что уж если играют Баха, то прерывать грешно. Кроме того, — добавил он, бросив взгляд на проигрыватель, — у нас еще не выработался инстинкт обращения с такими новшествами. Делается ли, например, искусство музыканта менее достойным уважения, когда сам музыкант отсутствует? В чем заключается деликатность? В том, что я уступаю вам, вы — мне, а мы вместе — гению, даже если это гений, так сказать, не из первого разряда. Кто знает? Вряд ли мы дознаемся до этого на нашем веку.

Мне кажется, нам плохо удастся интеграция технических новаций в общественную жизнь. Мир, который запечатлен в пособиях по этикету, распался на куски еще в конце прошлого столетия, а нового кодекса, определяющего поведение в отношении

к новоизобретенным сущностям, еще не появилось. Нет даже правил, нарушение которых могло бы рассматриваться как еще один удар по свободе. Жаль, не правда ли?

— Э-э-э... да, конечно, — согласился Алан. — Я, э-э...

— Хотя, заметьте, — продолжал Зиллейби, — считается *demode* признавать существование подобной проблемы. Истинное детище нашего столетия не заинтересовано в достижении внутренней согласованности с этими новациями. Оно лишь жадно усваивает их по мере появления. И только когда оно сталкивается с чем-то очень большим, оно проникается сознанием существования социальных последствий, но и тогда, вместо того чтобы искать консенсус, оно бросается на поиск несуществующего простого выхода из сложной ситуации: в виде ограничения, запрещения и тому подобного, как в случае с водородной бомбой.

— Э-э-э... Да, я думаю, вы правы... Но я хотел...

Зиллейби уловил в голосе собеседника явное безразличие к его словам.

— Когда человек молод, — продолжал он задумчиво, — то необычный, неформальный, стихийный образ жизни представляется ему весьма романтическим.

Но не таковы, согласитесь, основы, на которых стоит этот очень сложный мир. К счастью, мы — люди Запада — все еще сохраняем определенный этический каркас, хотя и у нас появились признаки того, что этот скелет уже не может с прежней надежностью выдерживать груз новых знаний. Вы согласны со мной?